

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ: КОНФЛИКТЫ ДУХОВЕНСТВА И ПРИХОЖАН В XVIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)

М.В. ПУЛЬКИН

Сектор истории
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
185610 Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

В широком спектре взаимоотношений прихожан и белого духовенства важное место принадлежит конфликтным ситуациям и способам их урегулирования. Существенную роль здесь играли приходские традиции. Во всяком случае, праву отказа духовенству, или, по терминологии источников, «перемене» клириков в законодательстве уделено значительно меньшее внимание, чем проблеме выборов священно- и церковнослужителей. Можно предположить, что лишь распространившаяся в России практика бесцеремонного изгнания церковников из приходов вынудила Синод оговорить этот вопрос в особом указе. В 1746 г. Синод обнаружил, что прихожане «даже за малые провинности и самоволием своим их, священников, от церквей отрешают, не имея над ними никакой власти». Соответственно, указ Синода требовал предварительно согласовывать такие вопросы с церковным начальством¹.

Анализируя дела о конфликтах между духовенством и прихожанами, необходимо учитывать, что использование права отказа, или, проще говоря, изгнание клириков, всегда оставалось крайней, трагической и для прихожан, и для церковников мерой воздействия. К ней обращались только в тех случаях, когда привычные способы не срабатывали. В то же время диапазон мер, к которым прибегали разгневанные прихожане, был весьма широк. Во-первых, нередко применялись чисто экономические способы воздействия: лишение руги и (или) земли. Ниже ситуации подобного рода будут рассмотрены подробнее. Ограничимся на данном этапе лишь одним примером. Олонецкое духовное правление в «сообщении», поступившем в 1788 г. в Олонецкую нижнюю расправу, указывало, что крестьяне Лоянского прихода, после ссоры со священником, перестали «пускать» иерея «в леса за ягодами, грибами и волнухами <...> и для рупки дров, и на хоромное строение лесов оне ж, крестьяне, их допускать не хотят, при том же и скота, как лошадей, так и роговку, с пастухами в леса пускать запрещают»². Во-вторых, в XVIII в. нередко неугодных священников избивали. Приведем один, достаточно характерный, пример. Поповский староста Матфей Григорьев в 1772 г. указывал в доношении Синоду, что был «призван» для «исповедания» священника Пидмозерской выставки Антонова. Сам факт такого «призвания» говорит о тяжелой, опасной для жизни болезни. Священник Антонов поведал о причинах недуга: староста и крестьяне «из святого алтаря до пяти раз на церковь взтаскивали и били в разки лошадиными плетями смертельно»³. Исход дела неизвестен. Синод распорядился разобраться и донести о результатах⁴.

В-третьих, не только действия прихожан, но и их молчание в критический момент становились серьезным испытанием для церковников. Так, в 1779 г. крестьяне Амвросиевы захватили землю, отведенную «миром» священнику Шунгского прихода. Священник сопротивлялся, и конфликт приобрел довольно острый характер. Как видно из «промемории» Олонецкой нижней расправы, «жена ево, священника, Наталья Александрова, хотя в Шун-

ской земской избе при народном собрании и просила, чтоб защитили, но в том ей отказали и защиты никакой не учинили». Неудивительно, что после этого и сам священник «в приход ходить стал крайне опасен, чтоб смертельного убивства ему не приключилось»⁵.

Основное внимание в ходе исследования предстоит уделить тем немногочисленным конфликтам, при которых процесс «перемены» духовенства предстал в наиболее ярко выраженной, типичной форме. Как правило, крестьяне, отобрав у священника землю и, заметим, ключи от церкви, обращались в светские и церковные органы власти для того, чтобы «вовсе от церкви отрешить» неугодного клирика. Каждая из сторон – церковник и прихожане – предъявляли, как правило, достаточно веские аргументы в свою пользу. Консистория или Синод, куда обращались крестьяне, вынуждены были решать не только конкретный спор, но и сам вопрос: имеют ли прихожане право «переменять» духовенство. Поэтому даже немногие дела, становясь прецедентом, позволяют сделать существенные выводы.

Первое из таких дел относится к 1765 г.: к плачевным результатам привело столкновение дьячка Ивана Васильева с прихожанами Николаевской церкви Коробозерского прихода. В 1761 г. в Олонецкую воеводскую канцелярию поступило «объявление» от причетника. Он уличал некоторых своих прихожан, «жительство имеющих в тайном расколе», т.е. не посещающих исповедь, но и не платящих двойной подушный оклад. В «реестре», составленном дьячком, значилось три крестьянских семейства и отдельно – «неведомая женка Хошыха», которая, как стало известно дьячку, оставалась «потаенной раскольницей» в течение пятидесяти лет. Кроме того, дьячок жаловался на то, что многие прихожане, по неизвестным ему причинам, нерегулярно являют на исповедь⁶.

Меры были приняты незамедлительно: по указу Олонецкой духовной консистории в приход явились архимандрит Спасо-Каргопольского монастыря Феодосий и священник соседнего Колодозерского прихода Алексей Титов, которым консистория поручила «всех исповедию и Святых Таин причастием сподобить». Однако их миссия не увенчалась успехом. Большинство прихожан, как видно из рапорта архимандрита, «за сходом из домов своих осталось без причастия»⁷. Изначально конфликт носил выраженный межконфессиональный характер: многие из корбозерских прихожан являлись старообрядцами. Однако донос, составленный дьячком, не только усилил до того времени вялое противостояние, но и привнес в него новые черты.

Дальнейшее развитие событий явствует из указа Олонецкой воеводской канцелярии. Жизнь дьячка стала невыносимой: для начала крестьяне отобрали у него землю и сенные покосы. Затем, в неделю Святой Пасхи 1766 г., когда дьячок «за неимением в приходе священника» читал в церкви Часослов, в храм «весьма со многолюдством» ворвался церковный староста Василий Афанасьев и отнял у дьячка ключи от церкви. Некоторое время спустя прихожане «разбойнически сильно» (т.е. с применением силы) явились в дом причетника, схватили его и по распоряжению волостного старосты «забили» в колодку. При этом они проклинали дьячка за то, что «навел им комиссию, и от того они будто бы разорились и с великим криком похвальные слова выговаривали, что тебе, дьячку, теперь вряд ли быть у нас здесь». Сам дьячок тоже понимал, что «в том Коробозерском приходе ему впредь жить не можно, понеже они, крестьяне, до взятья у него церковных ключей многократно выговаривали: “естыли он, дьячок, от них добром не выйдет, то как есть выживут вон, и один у них в лесу ходить не станет”»⁸.

Со скованного дьячка, «устрашивая бывшим у них в руках кольем бить до смерти», требовали денег. Дьячок продал за бесценюк свою лошадь. Вырученные таким способом 4 рубля были вручены «караульщику», который обязался доставить несчастного причетника в Олонецкую воеводскую канцелярию. Для того чтобы окончательно изгнать дьячка, прихожане составили прошение, в котором указывали, что он воровал церковные вещи. Началось следствие. Возвращать дьячка обратно к разъяренным крестьянам консистория опасалась. В итоге она приняла решение передать церковь «входящему» священнику, а дьячка оставить при ней.

Такое решение вполне закономерно. Дьячок не решался вернуться в приход, а консистория, очевидно, не пыталась его туда направить. Несомненное, признаваемое церков-

ными властями, право прихожан осуществлять «перемену» духовенства, а не конкретные провинности причетника решили исход дела. Заметим, что обвинения в хищении церковного имущества довольно часто использовались против одиозных священно- и церковнослужителей. К таким же доводам прибегли, как видно из «инструкции», составленной в Олонецкой воеводской канцелярии, прихожане Оштинского погоста, которые распрощались со своим священником Гаврилой Ивановым, препроводив его в связанном виде в воеводскую канцелярию⁹.

Ситуация не изменилась и к 1770 г. Однако каждый конфликт имеет свою специфику. Судя по «всепокорнейшему прошению» крестьян из Видлицкого прихода, адресованному Святейшему правительствующему Синоду, в 1766 г. умер старый священник Афанасий Федотов. «Мирские требы» исполнял «по найму» его сын – дьячок Петр Афанасьев. Эта оговорка в прошении является небезынтесным примером исполнения священнических обязанностей человеком, который заведомо не мог получить «ставленную грамоту», т.е. документ, подтверждающий рукоположение, в консистории, но зато был угоден прихожанам. Место, как видно из дальнейшего, считалось вакантным.

В 1779 г., по достижении «правильных лет», прихожане избрали Петра «во священника». В «выборе» они указывали, что просят за Афанасьева, «яко наш корельский язык довольно знающего, и в чтении, и в пении достаточного, и поведения, как нам известно, хорошего, и настоящих лет достигшего». Однако первая попытка оказалась тщетной: Петр Афанасьев «неведомо для чего не произведен». Вместо него в приходе появился священник Григорий Матфеев. Одновременно поповский староста прислал крестьянам «приказ» составить «одобрение» для епископского ставленника.

Прихожане, ссылаясь на «честное во всем обхождение и наследство» Петра Афанасьева, просили Синод перевести Матфеева к «другой каковой церкви». Примечательна аргументация прихожан: они полагают, что Синод поддерживает приходскую традицию наследования мест, и, конечно, решит дело в пользу того претендента, которому место досталось от отца. Допускали крестьяне и альтернативный вариант: они просили Синод в крайнем случае назначить Афанасьева вторым священником, «дабы он с семейством своим наследного его дома, пашенной и сенокосной земли лишен не был». Прихожане заявляли, что готовы «довольствоваться» обоим священникам «пропитанием и прочим содержанием»¹⁰.

Синод, как видно из указа, передал дело на рассмотрение епископа. Архиерей оставил своего ставленника в приходе. По распоряжению владыки в приходе вновь появился поповский староста, которому епископ поручил, как указывали позднее в прошении крестьяне, «спросить нас всех приходских людей, кто иманно у произведенного священника Матфеева в приходе, и кто священником дьячку и в его приходе быть желает». Прихожане единогласно высказывались в пользу Афанасьева. Между тем Матфеев начал «исполнять должность». Вскоре он поведал прихожанам о причинах особого благоволения к нему епископа Олонецкого и Каргопольского. Оказалось, что при владыке служит казначеем дядя Матфеева – иеромонах Евфимий. Прихожане и сами замечали (и указывали в прошении, адресованном Синоду), «что подлинно от Его Преосвященства по многим нашим прошениям никогда не могли на него, священника, суда и удовольствия получить»¹¹.

Матфеев чувствовал безнаказанность: не являлся исповедовать тяжело больных, не пошел в дом к крестьянину Федорову «для очищения дому и родилницы жены ево молитвою, нареkania имени новорожденному их сыну». Вместо этого священник «дал молитву ему, крестьянину, в шапку и нарек имя Савву». Возможно, священник ни в чем не был виновен. Но это обстоятельство, как видно из дальнейшего, не слишком интересовало епископа и Синод. Во всяком случае, вопрос решало не следствие. Речь шла о принципе, а не о конкретном представителе духовного сословия. Важно, однако, заметить, что крестьяне пытаются использовать легитимные способы «перемены» духовенства и излагают обширный список причин, побуждающих их отказать священнику.

Убедившись в том, что все обращения к епископу бесполезны, прихожане перешли к решительным действиям. Первый этап был традиционен: крестьяне отобрали у священника землю. Несложные аргументы, обосновывающие столь радикальный шаг, изложены в

прошении. Суть сводилась к следующему: священник Матфеев владеет крестьянскими землями «напрасно», т.е. имея «дозволения» от самих владельцев. Впредь этого не будет, «кибо земля и сенные покосы по дачам и писцовым книгам состоит крестьянская, за нами, а не за церковью, которая от нас священникам бывшим с причетниками для хлебопашества на время до требования нашего дана была». Одновременно крестьяне заявляли о готовности предоставить землю и сенные покосы выбранному ими «по общему всех согласию» дьячку Афанасьеву.

Для того чтобы окончательно урегулировать конфликт, в Синод отправился приходской поверенный, которому, помимо «верующего письма», было вручено огромное, состоящее из 12-ти пунктов, прошение крестьян. В нем прихожане перечисляли все злодеяния Матфеева, а также беды Афанасьева и свои собственные страдания¹². Ответный указ Синода состоял из трех пунктов. Во-первых, Синод требовал «для прекращения производящих между священником и прихожанами беспокойств», «подтвердить указом» епископу Олонцкому и Каргопольскому, что к Георгиевской церкви необходимо «произвести» дьячка Афанасьева, а «произведенного без желания прихожан» Матфеева Синод требовал «немедленно от церкви отреша», перевести на другое место. Во-вторых, Синод распорядился «через нарочно-посланных исследовать» о всех злоупотреблениях священника Матфеева. В-третьих, Синод напоминал о резолюции синодального члена архиепископа Новгородского и Великолуцкого Гавриила, который, в ответ на прошение крестьян, распорядился отстранить Матфеева и рукоположить Афанасьева. При этом Синод выражал крайнее неудовольствие тем, что епископ не только «должного исполнения не учинил, но ничего на то не ответствовал»¹³.

Дальнейшее развитие событий показывает, что похвальба Матфеева перед крестьянами имела серьезные основания. Даже грозные требования, звучащие со всех уровней церковной власти, не могли заставить епископа отказаться от поддержки Матфеева. Через три месяца Синод издал новый указ, в котором содержались ссылки на прежние распоряжения и требование «произвести во священника» Афанасьева, не дожидаясь окончания следствия «непреренно без всякого продолжения и отлагательства, дабы прихожане ни малейшей нужды и в требах остановки претерпевать не могли». Через три месяца Синод был вынужден в третий раз повторить свой указ¹⁴.

В январе 1780 г. в Синод пришел сам дьячок Афанасьев. Он жаловался на «волокиду», которую претерпел в Олонецкой духовной консистории, а из представленного им прошения явствует, что дьячок неоднократно являлся к епископу и «просил на оное место о произведении, но точию никакого разсмотрения не получил». Более того, епископ велел «не пушать» к себе Афанасьева. Дьячок «всепокорно и слезно» просил Синод послать к епископу еще один указ о «произведении» его к той же церкви, «а другого производить воспретить»¹⁵.

Синод внял просьбам дьячка, ранее подкрепленным неоднократными обращениями прихожан в разные инстанции. В декабре 1781 г. в адрес епископа был направлен новый, еще более грозный указ, требующий, во-первых, объяснить, почему Афанасьев, невзирая на предшествующие указы, «через столь долгое время произведен не был». Во-вторых, Синод требовал «безо всякого замедления произвести» дьячка, а Матфеева отправить «к другой церкви»¹⁶. В ответ Синод получил рапорт епископа. «Показанный проситель», утверждал епископ, «не произведен» в связи со следствием и по причине болезни самого владыки. В результате епископ так и не подчинился требованиям Синода: как видно из рапорта Новгородской духовной консистории, Афанасьев был «произведен во священника» архиепископом Гавриилом в Новгородском Иерусалимском соборе¹⁷.

Складывается парадоксальная ситуация: епископ всячески пытается обойти закон, а крестьяне, наоборот, настаивают на точном соблюдении норм «Духовного регламента». Правда, эти нормы трактуются ими весьма своеобразно: «кого мы, крестьяне, удобрим и изберем, того и производить велено». Опираясь на церковное законодательство, крестьяне апеллируют к Синоду, где встречают полную поддержку. Решение Синода вполне объяснимо. Для него главное – предотвратить «остановку» богослужения, а не защита корпоративных интересов. При этом синодальных членов не особенно сильно беспоко-

ит вопрос о правоте той или иной стороны, или, во всяком случае, эта проблема остается второстепенной. Священника переводят в другой приход до того момента, когда становятся известны результаты следствия.

Положение не особенно изменилось и к концу столетия. Об этом свидетельствует развитие конфликта прихожан и клира Нигижемского прихода Пудожского уезда. Здесь важно отметить, что в числе церковников этого прихода служили исключительно родственники. Сын священника Антона Иванова был дьяконом, двоюродный брат – дьячком, а внук – пономарем¹⁸. Стремление прихожан подбирать церковников, не являющихся родственниками, получило в данном случае веское подтверждение: клир, как явствует из прошения прихожан, отягощал их «непомерным лихоимством», «особливо приневоливая при венчании браков» (крестьяне даже приложили к прошению список тех, кто не жениться из-за высокой стоимости обряда). Излагали крестьяне и конкретные случаи вымогательства. Так, в 1786 г. к священнику пришел крестьянин Емельян Гаврилов «с просьбой об отпении и погребении умершей жены». Священник потребовал денег «великое множество», но крестьянин «по неимуществу своему» платить отказался. За это священник «озлобясь, бил того крестьянина из своих рук палкою, вымогая тем своим подлым средством заплаты себе до десяти рублей»¹⁹.

Не отставали от священника и прочие члены его семейства. Даже внук-пономарь, который, «не имея еще лет совершенных», не мог причинить крестьянам большого вреда, приходил к домам прихожан и, встав под окнами, «ругался всякими скаредными и поносными словами». Да и вообще, как уверяли в прошении крестьяне, церковники их прихода «вместо должного попечения о душах наших ежедневно производят ложное и несправедливое советование над совершением нашей погибели». Таким образом, мотив пренебрежения священно- и церковнослужительскими обязанностями постоянен в крестьянских прошениях подобного рода: крестьяне верно понимают цель Синода – добиться регулярного и правильного богослужения и исполнения церковных треб во всех приходах.

И все же в условиях разгорающегося конфликта крестьяне терпеливо дожидались, когда же священник, «будучи удручен чрезмерною старостию, имея от роду блис осмидесяти лет и глазами весьма слабое зрение, принудится хотя тем к умеренному нами распоряжению». Однако новые деяния священника заставили крестьян перейти к решительным мерам. В течение многих лет церковники Нигижемского прихода «неслыханными и ужающими одно воображение поступками разоря до основания» прихожан, сумели не только обогатиться, но и приобрести себе «повсеместно сильных покровителей». По мнению крестьян, изложенному ими в прошении, именно благодаря этим связям церковники сумели добиться отмежевания к церкви 133-х десятин крестьянской земли. Конечно, получив землю, священник «с причетники» не в силах был сам ее обработать. «Большую часть оной, – писали крестьяне, – оставляет впусе или отдает другой волости государственным крестьянам в аренду»²⁰.

Со своей стороны, священник в 1794 г. отправил в адрес епископа прошение, в котором указывал, что «приходские люди» «по заматерелой злости» решили отказать своим священно- и церковнослужителям, а на место их избрать новых клириков. Решение прихожан священник объяснял исключительно материальными выгодами: предполагается найти таких священно- и церковнослужителей, которые не имеют в приходе домов, и значит, в течение длительного времени, занявшись строительством, не смогут претендовать на церковные земли²¹. Заметим, что прошения священника и прихожан не противоречат друг другу, исследование же конкретных проступков священно- и церковнослужителей не интересовало духовных власти. У них, как видно из дальнейшого, имелись единые, хотя и меняющиеся со временем, принципы решения дел подобного рода.

Тем временем приходской поверенный, отправленный крестьянами на поиски подходящих «к произведению во священника» кандидатур, отыскал иеромонаха в «упраздненной», т.е. превращенной в приходскую церковь, Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда. Крестьянин объявил священнику, что нигижемские прихожане получили синодальный указ, позволяющим им выбрать нового попа. Многоопытный иерей

счел ситуацию вполне естественной и отправился в неблизкий путь. Как утверждал он впоследствии в показаниях Олонецкой духовной консистории, явившись в приход, новоиспеченный пастырь узнал, что вообще-то указа нет, но скоро будет. Вечером того же дня Евдокимов (так звали иеромонаха) в сопровождении десяцик отправился в церковь. Там он отслужил малую вечерню²². Здесь же, вероятно, произошло столкновение в прежним клиром: священник Антон Иванов писал в своем доношении консистории, что после службы волостной староста Родионов «крычал» в церкви: «Батюшко Евдокимов, броси их, будет наше время, еще наслужишься!»²³.

Дальнейшее развитие событий явствует из доношения в консисторию священника Иванова, который, очевидно, внимательно следил за крестьянами. Прихожане и священник Евдокимов отправились в земскую избу, в которой староста представил нового пастыря крестьянам, и «оне ево единогласно выбрали священником же быть на место приходского своео священника Антона Иванова при церкви великомученика Георгия, а священника Иванова выгнать из прихода вон, а других причетников ему, Евдокимову, избрать по сво воле, а оне удостоят выборами». Теперь оставалось дожидаться решения Синода. Впрочем, крестьяне не сомневались, что в Санкт-Петербурге дело решится в их пользу. Священник Иванов доносил епископу, что долго еще в ту ночь из церкви раздавались ликующие возгласы крестьян: «Мы надеемся на Питер! Скоро к нам указы будут!». Но после полуночи «чрезвычайное пьянство» заставило всех умолкнуть²⁴.

Между тем в Петербурге обсуждали крестьянское прошение. Многие пункты вызвали немалое удивление синодальных членов. «Невероятно, – говорилось в указе Синода, – чтобы один священник, не во время уже исполнения им треб, мог к сему усилиться против множества жителей, ибо они от таковой дачи, естли она сверх договора от них требуется, властны сами собою отказать». Такое высказывание нельзя не признать провокационным: фактически Синод призывал крестьян реализовать колоссальное численное превосходство, решить вопрос давлением на церковников, не прибегая к помощи органов власти. Однако самый важный вопрос – отказ духовенству – в распоряжении Синода решен не был. Но важно отметить, что и право крестьян «переменять» духовенство также не поставлено под сомнение. Синод указывал, что передает на рассмотрение епископа: если и в самом деле «дошло до таковой священника перемены», то следует руководствоваться законом, а также «пользой церковной в рассуждении означенной спорной земли»²⁵.

Таким образом, право перемены духовенства оставалось в XVIII в. за прихожанами. Последний случай стал исключением, но и здесь право крестьян отказать церковникам не оспаривалось. Синод, как подчеркивалось выше, отстаивал права прихожан исходя из мотивов, связанных с организацией церковной жизни. Легче позволить прихожанам изгнать церковника, благо случаев подобного рода было немного, чем слать с невских берегов грозные указы прихожанам, отказывающимся «пущать» своего духовного отца в лес за волнухами. Епископ оказывался в более сложной ситуации. С одной стороны, находясь в епархии, он обрастал связями и знакомствами, которые влияли и на ставленническое делопроизводство. С другой – противостоять требованиям Синода и подкрепленным недвусмысленными намеками на грядущую скорую расправу с церковниками «всепокорнейшим прошениям» прихожан он также был не в силах. Право отказа белому духовенству оставалось в Олонецкой епархии распространенным способом урегулирования конфликтных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1909. Т. 3. № 980.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 584. Оп. 6. Д. 10/211. Л. 1 об.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 53. Д. 197. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ НА РК. Ф. 584. Оп. 3. Д. 15/193. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 627. Л. 1.

- ⁷ Там же. Д. 436. Л. 31–31об.
⁸ Там же. Л. 32об.
⁹ Там же. Д. 618. Л. 1–2.
¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 203. Л. 1–2.
¹¹ Там же. Л. 15.
¹² Там же. Л. 13–17.
¹³ Там же. Л. 26об.
¹⁴ Там же. Л. 35–37.
¹⁵ Там же. Л. 43.
¹⁶ Там же. Л. 47.
¹⁷ Там же. Л. 51.
¹⁸ Там же. Оп. 76. Д. 20. Л. 1.
¹⁹ Там же. Л. 2.
²⁰ Там же. Л. 4.
²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 3/11. Л. 1.
²² Там же. Л. 2.
²³ Там же. Л. 2об.
²⁴ Там же. Л. 4.
²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 76. Д. 20. Л. 12.

SITUATIONS OF CONFLICT BETWEEN THE CLERGY AND THE PARISH IN XVIII CENTURY (BASED ON MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)

M.V. PUL'KIN

Department of History
Institute of Language, History and Culture
Karelian Scientific Center of Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Karelia, 185610 Russia

The article is concerned with one of the most important aspects of everyday life of the Olonets diocese parishes in the XVIII century – conflicts between the clergy and the parish. We focus on the specific features of the conflict causes and forms, and the methods of their settlement. The author believes that the decisive factor in the conflicts was material issues, whereas contradictions between the clergy and the parish were not antagonistic in nature.